

*Я. В. Быстрова, С. И. Дудник**

УЧЕНИЕ В. И. ЛЕНИНА О ДЕМОКРАТИИ И ПРЕДПОСЫЛКИ СТАЛИНСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ**

Статья посвящена ключевым моментам ленинского учения о социалистической демократии, которые раскрываются в качестве предпосылок сталинской модернизации. Показано, что ленинские представления о новой форме демократии, предполагавшей переход к диктатуре пролетариата как класса, так и не были реализованы на практике. Хотя это было обусловлено целым рядом объективных причин, тем не менее изучение ленинской концепции демократии сохраняет свою актуальность не только для левых политических сил, но и с целью построения более точной картины отечественной истории минувшего столетия.

Ключевые слова: демократия, ленинизм, сталинизм, революция.

Ya. V. Bystrova, S. I. Dudnik

*V. I. LENIN'S DOCTRINE OF DEMOCRACY AND BACKGROUNDS
OF STALIN MODERNIZATION*

Article is devoted to the key moments of the Lenin's doctrine of socialist democracy which reveal as backgrounds of Stalin modernization. It is shown that Lenin ideas of a new form of democracy assuming transition to dictatorship of the proletariat as a class were not realized in practice. Though it was caused by a number of the objective reasons, nevertheless, studying of the Lenin concept of democracy keeps the relevance not only for the left political

* Быстрова, Яна Васильевна, кандидат философских наук, доцент, заместитель директора центра непрерывного образования и повышения квалификации творческих и управленческих кадров в сфере культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Русская христианская гуманитарная академия; bystrova7@mail.ru

Дудник, Сергей Иванович, доктор философских наук, профессор, директор Института философии, Санкт-Петербургский государственный университет; s.i.dudnik@gmail.com

** Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Наука как социальный институт в проектах российской модернизации (петербургский опыт)», Проект № 19-011-00603.

forces, but also for the purpose of creation of more exact picture of national history of the past century.

Keywords: democracy, Leninism, Stalinism, revolution.

Приходится констатировать, что в современном общественном сознании России — как на его теоретическом уровне, так и на уровне обыденного сознания, — ленинизм и сталинизм, рассматриваемые, помимо прочего, и как проекты российской модернизации, все в большей и большей степени утрачивают сущностные различия. Это обстоятельство оборачивается еще одним дополнительным аргументом в пользу распространенного среди сталинистов прежних дней и сегодняшних неосталинистов представления, что сталинская модернизация была последовательным и строгим воплощением ленинского проекта, даже единственно возможным его воплощением. Тем не менее людям, придерживающимся левых убеждений, не следует поддаваться этой оптической иллюзии, весьма кратковременной по историческим масштабам, и упускать из виду огромную дистанцию, разделяющую ленинизм и сталинизм и в теории, и на практике. В данной статье речь пойдет только об одном аспекте этого разделения, о демократии; но именно непонимание ленинского учения о демократии и его грубые практические искажения сыграли ключевую роль в «срыве» проекта сталинской модернизации.

Прежде всего следует подчеркнуть тот по сути дела очевидный, но тем не менее многими оспариваемый факт, что сталинская модернизация ни в коем случае не была изобретением самого Сталина или даже коллективным изобретением лидеров социалистического движения, включая Ленина. Эта модернизация, третья после преобразований Петра I и «великих реформ» Александра II, была очередной попыткой решения ключевого противоречия аграрной цивилизации (какой и оставалась Россия в начале XX в.) — противоречия между общинной формой сельскохозяйственного труда и формой собственности на результаты этого труда в виде собственности крупных землевладельцев. В публицистике того времени это противоречие было принято называть вопросом о земле, и именно этот вопрос стал главной причиной расхождений между Лениным и Плехановым, между двумя главными течениями в социал-демократическом движении.

Известно, что именно по этому вопросу возникли самые острые расхождения между Плехановым и Лениным. Плеханов, руководствовавшийся аксиомами классического марксизма и логикой европейской истории, утверждал, что назревшая в России антифеодальная революция будет проходить в тех же формах, в каких она проходила в странах Западной Европы. Ведущей революционной силой должно быть «третье сословие», буржуазия, и в той мере, в какой эта революция будет иметь демократический характер, в ее результатах будут заинтересованы народные массы, прежде всего крестьянство, и лишь во вторую очередь — пролетариат, весьма немногочисленный в России начала XX столетия. Эта антифеодальная, буржуазно-демократическая революция не может совпадать ни по времени, ни по своему содержанию с революцией социалистической, где именно рабочий класс должен стать главной движущей силой, к которой могут присоединиться и другие классы. Главным содержанием

социалистической революции будет освобождение рабочего класса, который, освобождая самого себя, освобождает при этом все общество. До такой революции России, согласно убеждениям Плеханова, еще далеко. Исходя из этих классических положений марксизма Плеханов не видел в позиции Ленина ничего, кроме элементарной теоретической путаницы, невежества, которое в своих крайних формах квалифицировалось им как «бред сумасшедшего». Неслучайно, что в полемике с Лениным Плеханов чаще всего обращался за иллюстративными примерами к «Запискам сумасшедшего» Гоголя и к «Палате № 6» Чехова.

Схема, которой руководствовался Ленин, предполагала более значительную степень опосредствования, т. е. учитывала возможность, как минимум, двух исторических форм аграрной революции — «прусского» и «американского» путей. «Прусский путь» представлял собой фактически «революцию сверху», тогда как «американский» подразумевал обширные революционно-демократические преобразования, которые в идеале превращали общинного крестьянина России в индивидуального самостоятельного фермера. Для Ленина было очевидно, что аграрные реформы России будут происходить в форме «прусского пути», т. е. в первую очередь в интересах крупных землевладельцев и государственной бюрократии. И поскольку интересы самых широких масс, прежде всего крестьянства, при такой «революции сверху» учитываться будут в последнюю очередь, то эти преобразования неизбежно вызовут «революцию снизу». Но и здесь были возможны два варианта: «городская» революция, предполагающая широкий союз самых различных политических и экономических сил, и революция «крестьянская», имеющая более массовый характер, что в России, где преобладающим численно классом было крестьянство, неизбежно превращало революцию в масштабную гражданскую войну. Таким образом, революционное развитие России представлялось Лениным не как последовательное поступательное движение, сочетающее революционные и эволюционные преобразования, а скорее, как циклическое движение, в котором любые демократические завоевания будут в конечном счете подчинены логике гражданской войны. Порочный круг революционного развития России оставлял весьма незначительные шансы для сохранения тех демократических прав и свобод, стремление к которым было главным побудительным стимулом самого революционного движения. Это циклическое движение по пути революционных преобразований требовало временных антиреволюционных мер, но их временный характер многими революционными силами абсолютизировался, как это было в случае с политикой «военного коммунизма».

Здесь необходимо отметить, что данный дискуссионный вопрос, «вопрос о земле», был, в сущности, вопросом о переходе от одной общественно-экономической формации к другой. Очевидно, что вошедшему позже во все марксистские учебники представлению о пяти главных общественно-экономических формациях в большей мере соответствует концепция Плеханова, а не Ленина. Но само это представление возникло в марксистской литературе тогда, когда, опираясь на предисловие «К критике политической экономии», Бухарин построил следующую схему: производительные силы — производственные отношения — политическая и идеологическая надстройка. В соответствии

с этой схемой надстройка была вторична по отношению к базису и являлась всего лишь его отражением. С определенного момента все иные истолкования соотношения базиса и надстройки стали рассматриваться как идеологически чуждые ортодоксальному марксизму и были вытеснены в сферу, которую некоторые исследователи не без оснований называют «эзотерическим марксизмом»:

Теория надстроек действительно находится в центре эзотерического марксизма Бахтина и его школы в 20-е гг., и вплоть до замечательных работ Альтюссера и Мамардашвили 60–70-х гг. в она оставалась непревзойденной. Вразрез с официальным марксизмом (Плеханов с его «пятичленкой», к которому присоединились Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме», Богданов и Бухарин с его «Теорией исторического материализма»), не сумевшим вылучить концептуальную суть из смыслообразов «базис» и «надстройка» (для выросших на тезисе Хайдеггера «язык есть дом бытия» должно же быть сколько-нибудь внятно, что «базис», т. е. фундамент, и «надстройка», т. е. все воздвигнутое на этом фундаменте, это не что иное, как элементы философской метафоры «дом общественного бытия». И ничего более.), вразрез с этим гипостазированием метафоры бахтинский эзотерический марксизм вернулся к Марксову пониманию общественной целостности с характерной для нее нераздельностью / неслиянностью бытия и сознания [1, с. 3].

Таким образом, в «эзотерическом марксизме» «базис» и «надстройка» рассматриваются не в качестве строгих научных понятий, а как метафоры («базис» — фундамент, «надстройка» — все остальное строение), передающие идею «дома общественного бытия». Категория «общественное бытие» в таком случае не связывается исключительно с господствующим способом производства, а понимается в ее прямом смысле — как понятие, указывающее на жизнь общества в целом. Когда в ортодоксальном марксизме утвердилось абстрактное понятие общественного бытия (отождествляемого с господствующим способом производства), тогда в неортодоксальных марксистских течениях в качестве реакции на это абстрактное, одностороннее понятие появилась категория «тотальность», возвращающая к первоначальному пониманию. По понятным причинам в рассуждениях Ленина мы еще не обнаруживаем категории тотальности, но в то же время было бы ошибкой упрекать его в отклонениях от ортодоксального марксизма.

Еще в самые первые годы после революции 1917 г. среди марксистов циркулировало представление, что победившая партия коммунистов-большевиков едва ли будет способна решить задачу развития демократических институтов в России. В частности, таким скептицизмом отличалась позиция Р. Люксембург.

Дело заключается в том, что надо отличать в политике большевиков существенное от несущественного, коренное от случайного. В этот последний период, когда мы находимся накануне решающих последних боев во всем мире, важнейшая проблема социализма, самый жгучий вопрос времени — не та или иная деталь тактики, а способность пролетариата к действию, революционная активность масс, вообще воля к установлению власти социализма. В этом отношении Ленин и Троцкий со своими друзьями были первыми, кто пошел впереди мирового пролетариата, показав ему пример; они до сих пор все еще единственные, кто мог бы воскликнуть...: «Я отважился!» Вот что самое существенное и непреходящее в политике большевиков. В этом смысле им принадлежит бессмертная историческая

заслуга... В России проблема могла быть только поставлена. Она не могла быть решена в России, она может быть решена только интернационально. И в этом смысле будущее повсюду принадлежит «большевизму» [4, с. 311].

Р. Люксембург была убеждена, что опыт построения социалистической демократии в России будет, скорее всего, неудачным, но это не отменяет абсолютно положительного значения этого опыта, т. к. он был первым. Если Р. Люксембург и видела какую-то минимальную возможность установления демократических институтов в России, то она связывала эту возможность с победой социалистической революции в других странах, в первую очередь западноевропейских, более развитых, чем Россия.

Однако это еще не является основанием для абстрактного противопоставления демократии и диктатуры, противопоставления, которое в социал-демократическом движении становится весьма распространенным, в т. ч. и среди единомышленников Плеханова.

«Диктатура или демократия» — такова постановка вопроса как большевиками, так и Каутским. Последний решает для себя, естественно, в пользу демократии, а именно буржуазной демократии, ибо именно ее он противопоставляет как альтернативу социалистическому перевороту. Ленин — Троцкий, напротив, решают в пользу диктатуры в противовес демократии и тем самым диктатуры горстки людей, т. е. буржуазной диктатуры. Таковы два противоположных полюса, оба равноудаленные от истинной социалистической политики [3, с. 277].

Диктатура может быть диктатурой меньшинства над большинством, но может быть и диктатурой большинства над меньшинством, и в этом последнем случае диктатура имеет несомненный демократический характер. Поэтому если на каком-то этапе социалистической революции диктатура пролетариата является неизбежной формой власти, то она сталкивается с реальной опасностью превращения в свою противоположность, в диктатуру меньшинства над большинством. Диктатура группы лиц, какого-либо клана, бюрократической верхушки, несмотря на свое именование, не может считаться диктатурой пролетариата, т. к. при таком режиме отсутствуют политические механизмы, позволяющие пролетарским массам реализовать свое участие в управлении государством и обществом. Иными словами, диктатура пролетариата должна быть диктатурой класса, а не партии или другой группы, выступающей от имени этого класса. Поэтому диктатура пролетариата может быть реализована лишь «при самой широкой гласности, при самом деятельном беспрепятственном участии народных масс, при неограниченной демократии» [4, с. 315]. На основе этих общих принципов Р. Люксембург критиковала первые политические шаги советского правительства, в частности декрет о выборах, согласно которому многие категории населения России были лишены избирательного права. Диктатура пролетариата должна управлять обществом не только в интересах трудящихся, но и через организацию методов и форм самого активного участия трудящихся в управлении. В таком случае избирательное право не должно ограничиваться правом избирать властные органы, оно должно включать в себя и право контролировать деятельность этих органов. По мере того, как такие формы участия в политической деятельности и формы контроля за ор-

ганами власти станут более разнообразными и эффективными, сама потребность в существовании особых органов власти, занимающихся одним лишь управлением, исчезнет, и диктатура пролетариата будет заменена прямыми формами общественного самоуправления.

К причинам, в силу которых диктатура пролетариата была необходимой формой правления, относили не только несвоевременность социалистической революции в России, о которой говорил Плеханов, но и разразившуюся мировую войну, слабость международного пролетариата, реакционный характер политического режима царской России и др. В таких условиях классические представления о «нормальной» социалистической революции оказывались несоответствующими реальности. Что касается демократии, то именно тот факт, что Россия была аграрной страной и большинство ее населения составляло крестьянство, а не пролетариат, объективно способствовало возникновению дилеммы — либо диктатура пролетарского меньшинства, либо демократия, при которой крестьянское большинство будет решающей силой. Вслед за этим выбором возникла опасность превращения диктатуры пролетариата в диктатуру той партии, которая выступала от имени его интересов. Даже при гипотетических мирных формах социалистической революции для перехода от диктатуры партии, захватившей власть, к диктатуре пролетариата как класса потребовалось бы немало времени, чтобы создать эффективные механизмы и формы участия рабочего класса в управлении обществом. В России это время совпало с периодом кровопролитной Гражданской войны, с соответствующей ему политикой «военного коммунизма». Выбор правящей партии между диктатурой политической элиты и диктатурой пролетариата как класса в таких обстоятельствах откладывался на неопределенное время, и многие марксистские теоретики того времени, включая Р. Люксембург, увидели в этой «исторической паузе» серьезную опасность.

Разумеется, каждое демократическое учреждение имеет свои рамки и недостатки, как, впрочем, и все другие человеческие институты. Но только найденное Троцким и Лениным целебное средство — устранения демократии вообще — еще хуже, чем тот недуг, который оно призвано излечить: оно ведь засыпает тот живой источник, черпая из которого только и можно исправить все врожденные пороки общественных учреждений, — активную, беспрепятственную, энергичную политическую жизнь широчайших народных масс [4, с. 315].

Такая оценка одновременно является верной и неверной. Она верна в том смысле, что временные ограничения демократии, вызванные Гражданской войной, разрухой, враждебным окружением и т. д., стали восприниматься как постоянные и необходимые той частью партийной элиты, которая в конечном счете получила в свое распоряжение всю полноту власти. Она неверна в том отношении, что сам Ленин (как и некоторые другие лидеры большевиков, включая, возможно, и Троцкого) осознавал, что должны быть устранены именно эти ограничения, а не сама демократия.

История, к сожалению, знает только два выхода из этой «исторической паузы», и оба эти выхода следует признать неудачными. И сталинизм, и маоизм в самых различных формах являются отклонениями от классического

марксизма и в теории, и на практике. Более того, и в том и в другом случае главной причиной отклонений стало именно упрощенное, вульгарное понимание диалектического соотношения теории и практики, в т. ч. и в том аспекте, который выражается в понимании природы социалистической демократии, в организации форм управления и форм работы государственного аппарата. Последние работы Ленина свидетельствуют, что эти формы работы должны соответствовать складывающейся в обществе экономической и политической ситуации, чтобы государство могло своевременно реагировать на тенденции общественного развития. Практика сталинизма была диаметрально противоположной. Работа государственного аппарата строилась на основе неких абсолютных, догматически понятых принципах марксистской теории, тогда как новые ситуации экономического и политического характера рассматривались как нечто случайное, временное, заранее предусмотренное «мудростью» государства, персонифицируемого личностью вождя. Формулировка «правильного» отношения к изменившейся ситуации рассматривалась не как теоретическая, а как исключительно пропагандистская задача, как обоснование и оправдание уже имевших место действий власти. Поэтому цитаты классиков марксизма всегда расцениваются как абсолютная истина, тогда как факты относятся к области случайного и относительного и заслуживают самого произвольного обращения. Этот разрыв между теорией и практикой закономерно приводит к тому, что сама социальная действительность очень скоро оказывается «немой», т. к. для многих явлений общественной жизни в пропагандистском аппарате не находится соответствующих категорий. Этот же разрыв между теорией и практикой приводит управление общественными процессами к закономерным катастрофам (голод начала 30-х гг., массовые репрессии и т. п.), поскольку в догматической картине мира, которой руководствуется правящая элита, этим катастрофам нет места, они не предусмотрены «классиками», и начальные тенденции, ведущие к этим катастрофам, власть неспособна заметить и предотвратить.

Нельзя не отметить, что в момент описываемой «исторической паузы» некоторые представления Ленина, связанные, в частности, с концепциями экономического дирижизма, т. е. жесткого рационального управления производством, способствовали тому, что переход от диктатуры партии к диктатуре класса так и не состоялся. Авторитарное управление экономикой необходимо в России, по мнению Ленина, не только потому, что социализм должен функционировать как единая фабрика, но и в силу некоторых особенностей русской истории, выражавшихся в том, что мотивация производительного труда традиционно является невысокой, что «русский человек — плохой работник» и т. д. На первых этапах развития социализма необходимы строгая производственная дисциплина, жесткий контроль, предполагающий суровые наказания. В этом отношении для Ленина образцом, достойным подражания, был государственный капитализм Германии:

Пока в Германии революция еще медлит «разродиться», наша задача — учиться государственному капитализму немцев, всеми силами перенимать его, не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание еще больше, чем Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства [2, с. 301].

Дело не в том, являлись ли такие представления верными или ошибочными, а в том, что они послужили основанием и оправданием антидемократических форм управления, которые очень скоро обернулись откровенными тоталитарными практиками (печально известные «колоски», уголовные наказания за минутное опоздание на работу и др.).

Однако нельзя не признать, что позиция самого Ленина в вопросе о социалистической демократии принципиально отличалась от теории и практики сталинизма. Учение Ленина об империализме как высшей и последней стадии капитализма вело, помимо прочего, к выводу, что эволюционное развитие капитализма и постепенный переход к более высокой общественной форме, к социализму, теперь уже невозможен. В условиях империализма правящие элиты всегда имеют возможность за счет ограбления колоний подкупить часть рабочего класса, и поэтому последний не сможет получить в парламентах большинство голосов и на этом основании провести социалистические преобразования. Иными словами, формы парламентской демократии закономерно оказываются скомпрометированными, и было бы ошибкой испытывать к ним доверие. Вместе с тем победа социалистической революции открывает возможность создания более высоких форм народовластия, превосходящих по своей демократичности прежние парламентские формы. Учение Ленина об этих высших формах народовластия не было изложено систематически, но в работе «Государство и революция» он дает характеристику некоторых признаков новой демократии, в частности таких, как формирование представительских органов на основе не территориального, а производственного принципа, и на обязательное право отзыва избранного представителя. Эти же принципы, по мысли Ленина, должны быть реализованы и в формах управления производством, и в органах исполнительной власти.

Рабочие, завоевав политическую власть, разобьют старый бюрократический аппарат, сломают его до основания, не оставят от него камня на камне, заменят его новым, состоящим из тех же рабочих и служащих, против превращения которых в бюрократов будут приняты *тот час* меры, подробно разобранные Марксом и Энгельсом: 1) не только выборность, но и сменяемость в любое время, 2) плата не выше платы рабочего, 3) переход немедленный к тому, чтобы *все* исполняли функцию контроля и надзора, чтобы *все* на время становились «бюрократами», и чтобы поэтому никто не мог стать бюрократом [1, с. 103].

То обстоятельство, что ленинская теория новой демократии стала составной частью сформировавшейся догматической марксистской теории и в качестве этой составной части была, как и все остальное, оторвана от реальной практики, сегодня приводит к своеобразной оптической иллюзии, в силу которой описываемая в работе Ленина форма управления рассматривается не как проект, а как идея, нашедшая свое воплощение в реальности. В таком случае и сталинизм расценивается как результат отступления от этой реальности, от «ленинских норм».

В 30-е гг. в условиях резко обострявшейся международной обстановки и нарастающей угрозы войны был осуществлен отход от выборов органов власти через трудовые коллективы (вопреки действовавшей Программе РКП(б)). И хотя многие

характеристики Советов сохранялись (выдвижение кандидатов в депутаты трудовыми коллективами, высокий удельный вес рабочих и крестьян в депутатском корпусе, периодические отчеты депутатов перед избирателями), тем не менее, появились предпосылки формирования парламентской системы, оторванной от трудовых коллективов и позволяющей депутатам, особенно высших уровней, избранным от территории, игнорировать волю трудового народа практически без риска быть отозванными. Неподконтрольность государственной власти трудовым коллективам, ее относительная независимость от них способствовали принижению роли трудящихся в управлении обществом, бюрократизации всей системы государственной власти [5].

Такая оценка весьма красноречиво свидетельствует об описанном выше разрыве между теорией и практикой и о «немоте» социальной действительности. В реальности и выборы представителей в органы власти через трудовые коллективы, и выборы через территориальные единицы имели исключительно формальный характер, так как и в том и в другом случае эти избранные органы власти не имели возможности принимать политические решения. Поскольку переход от диктатуры партии (точнее, верхушки ее аппарата, т. к. выборные партийные органы имели такое же формальное и декоративное значение, как и советы всех уровней) к диктатуре класса так и не состоялся, то властные полномочия партийной бюрократии при любой форме избирательной системы оставались неприкосновенными. В последних работах Ленина («Письмо к съезду», «Лучше меньше, да лучше», «Как нам реорганизовать Рабкрин», и др.) излагается перечень неотложных реформ государственного и партийного аппарата, которые, как нетрудно заметить, как раз и были нацелены на переход к диктатуре пролетариата как класса. Этими реформами предполагалось расширить численный состав Центрального Комитета партии таким образом, чтобы обеспечить в нем большинство членов из числа рабочих, сформировать аппарат Рабкрин таким образом, чтобы он состоял из одних только рабочих, объединить его функции с функциями партийного контроля и т. д. Партийная верхушка вполне обоснованно увидела в предложениях Ленина угрозу своему политическому положению и свела их обсуждение к дебатам по поводу целесообразности смещения Сталина с поста генерального секретаря, не имевшего в то время того значения, какое этот пост приобрел позже. В реализации ленинского плана построения социалистической демократии, таким образом, не были сделаны даже первые необходимые шаги, направленные на ограничение авторитарных форм правления. Трудно судить, привели бы эти шаги к желаемым результатам, т. к. подобные рассуждения относятся уже к жанру альтернативной истории, но изучение реальной истории требует и изучения совершенных на ее почве ошибок, а тот факт, что ленинские предложения были отвергнуты, привел к хорошо известным печальным последствиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Земляной С. Что такое эзотерический марксизм? // Независимая газета. Приложение. Книжное обозрение «Ex libris НГ». — 1999. — Т. 28, январь (№ 3).

2. Ленин В. И. О левом ребячестве и о мелкобуржуазности // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. — М.: Изд-во политической литературы, 1969. — Т. 36. — С. 286–314.

3. Люксембург Р. Наша Программа и политическая ситуация. Доклад на Учредительном съезде Коммунистической партии Германии 31 декабря 1918 г. в Берлине // Роза Люксембург: Актуальные аспекты политической и научной деятельности. — М.: Памятники исторической мысли, 2004. — 294 с.

4. Люксембург Р. Рукопись о русской революции // Люксембург Р. О социализме и русской революции. — М.: Изд-во политической литературы, 1991. — 332 с.

5. Программа Российской коммунистической рабочей партии — Революционной партии коммунистов. — URL: rkrp-rpk.ru/content/category/2/20/47